ЧИСЛО 3. Львовъ 30. Сѣчня 1857. РОКЪ X.

Выходить що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2зр. 20 кр. чвртр. 1 зр. 10 кр. на мѣстци 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбирае въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВУ

ЖИВОПИСЕЦЬ

(конець)

Пôдвегли его и поклали на ложе; но потомъ цѣлую нôчъ плелъ ôнъ небылицѣ. Прышелъ лѣкаръ, человѣкъ якъ то счастьемъ нагодилось сутивый и добрый; то сее, то тое, то сновь иное записывалъ ему; пôдвигнулся въ тыждень. „Но Даніиле! счастьемъ ты спасилъ себе ôтъ бѣды, говорилъ лѣкаръ, мѣркуй лишъ, есть еще опаснôсть не вставай изъ постелѣ и ничимъ не занимайся.“ Все тое пообѣтовалъ онъ; жена гдесь отошла была, вертаесь, а мужъ ковъ здоровъ сѣдитъ передъ образомъ, трепещутъ руки, омаль що не повалится. Поклала его, высварилась съ нимъ, но и щожъ начинати съ бѣснокатымъ! даже и лѣкаръ не хотѣлъ уже приходити. Но Господь небесный спомôгъ якось, тожъ выздоровѣлъ. Смотритъ, а дома голо и пусто; нѣтъ въ чôмъ явитись на улици; но ôнъ собѣ ба и дуже; „не нужно менѣ теперь волочитися по мѣстѣ, беседилъ ôнъ; сѣдитъ надъ своею Ладонею и пише красками та пише. Несчастная жена все время плаче ôтъ журбы; лазитъ до всѣхъ своихъ знакомыхъ, довѣдалася, що ктось тамъ въ сусѣдствѣ закладае крамъ, вынашла властителя и умолила, дабы пришелъ заповѣсти знакъ; далъ въ задатокъ два или три рублѣ и сказалъ: „но помнѣтъ живописче сдѣлати знакъ на времени, менѣ бо ôнъ нужный есть спѣшно, небавко снарядятъ крамъ мôй, памятай! по возможности выпиши все такъ призначно, дабы сіяло; не забудь о головѣ цукра, слоикахъ съ конфитурами о яблокахъ и дымленныхъ рыбахъ; нехай увидитъ каждый, що получитъ все, чого лишь душа забагне; помни! сдѣлай на времени ибо онакше иному дамъ до роботы.“

Даніилъ взялъ гроши и еще ругалъ собѣ: не журися повтарялъ ôнъ, такій знакъ тобѣ сдѣлаю, що смотрячи на него тобѣ самому ѣстися забагне.

„Но! воскрикнулъ ôнъ, жено моя, славити Бога гроши суть и робота есть, нѣтъ лише барвы, пôйди но купи; знаю, що дороги суть, но невозможно безъ нихъ по нікакому выписати знакъ; отъ имѣешъ карточку.“ Дурная жена послѣдовала, пошла и купила; дали ѐй три мѣхурцѣ майже всѣ гроши выдала. Вертаесь, урадовался Даніилъ, похватилъ краски, но мѣсто щобы начиналъ знакъ, нужъ снова за свою Ладону. Не одинъ день минулся та не два, прыходитъ купецъ по знакъ, гдежъ тамъ! еще нѣтъ и половины. Онъ до Даніила: Давай знакъ или отдавай гроши:“ Такъ ему годилось, у-

тромъ долженъ былъ крамъ откорити. Данїилъ крȣтитъ то сюда то тȣда. — Все покинȣ, говорилъ ôнъ и въ одинъ день выпишȣ. . . . Глѧдитъ, смотритъ, нѣтъ полотна; а кȣпити — такожде ни за що.... Кȣпець клинеесѧ восклѝкаючи: не дамъ ни одного гроша, снова обманишъ мене.! На крикъ сбѣглисѧ сȣсѣды; жена плаче, трȣбитъ: нищо танти, воскрикнȣла несчастлива, хотѧ вы добры люди прислȣхайтесѧ, ꙗ оуже съ нимъ не дôйдȣ кôнцѧ, снищилъ мене и себе совершенно.”. . Сȣсѣды про тое начали вымавлѧти емȣ: Що то за живописецъ ось съ тебе, що и кȣсника полотна не имѣешъ? а що тамъ кȣпцеви до того? далъ задатокъ, отъ есть натѧгненное полотно, пиши знакъ, мѣсто ꙗкихсь тамъ неприви́дѣвшихсѧ никомȣ дȣрачествъ.

Данїилъ молчалъ и внималъ долго, бȣдь то не живый, но когда оуслишалъ послѣднїи израженїѧ, бȣркнȣлъ пôдъ носомъ: Ваша правда, такъ есть, ваша правда; ꙗ пообѣтовалъ, нȣжно менѣ теперь додержати слова. Оухватилъ за пинзель и началъ писати головȣ цȣкра; на вторый день оутромъ знакъ былъ оуже готовый, кȣпецъ человѣкъ добрый, поклагодарилъ и 50 рȣблей оставилъ. Жена восхищаласѧ, побѣгла чимъ скорше на рынокъ, кȣпила кавы, дабы лише мȣжа оурадовати; приходитъ домôвъ, смотритъ, а ôнъ оуже на земли въ пропасницы; спѣшно по лѣкарѧ помчала, но казалось оуже запôзно; майже два мѣсѧцѣ терпѣлъ онъ, наконецъ отдалъ господеви дȣха, отъ чого не знаю, но лѣкаръ мовилъ менѣ, що прежна хороба навернȣлась.”

— А гдежъ есть тотъ знакъ? вопросилъ ꙗ розказывающȣю.

„Ей кто тамъ знае! говорѧтъ, що и крамъ затворенный.

Сближили мы сѧ оуже въ тотъ часъ къ домови; спращавши госпожȣ Мартȣ леталъ ꙗ выслѣдити злишное дѣло небощика, довѣдалъ ꙗ сѧ о имени властителѧ крама, послѣ о имени того, который кȣпилъ знакъ на лицитацїи; наконецъ изслѣдованїѧ мои пошли благополȣчно: на однôмъ мѣстци торговлѣ междȣ заржавѣлымъ желѣзомъ, нашелъ ꙗ прецѣ знакъ роботы Шȣмского . . . дощъ ополокалъ его совершенно.... В. О....

ДНЕСЬ НЕ ТАКЪ!

Стае морозъ рано брати
Зимный вѣтеръ дути,
Стало бѣло въ округъ хаты,
Невидати пути.

Та не тая стежка вбита,
Котра менѣ зрится,
Будьто въ бѣлый платъ завита,
Снѣгъ по нѣй стелится.

О мôй Боже! о мôй Боже!
Днесь не такъ якъ было,
Тогда, когда цвили рожи
Туда ся ходило.

Когдась ходилъ а товь стезевь.
Якъ ще цвили цвѣты
Когдась мило тамъ пôдъ хижовь
Было мнѣ сѣдѣти.

Теперь морозъ съ нѣй дивится
Хижа снѣгомъ вкрыта,
Ахъ! не щира ôтданиця —
Днесь въ рантухъ завита... Е. З.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О ЗБОРОВѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Живемъ и смотримъ на окрȣжающїи насъ села, городы, мѣстечка, на развалины, на нѣмы рȣмовища ꙗкихсь тамъ крѣпостныхъ замкôвъ, но не извѣстно

намъ кто заложилъ, создалъ все тое. Сȣмное кажесѧ намъ тое обстоѧтельство. Когда ины сторонскіи дѣѧніѧ, древности и величіе, привлекаютъ любопытнôсть нашȣю, мы съ подивленіемъ читаючи описи и розказы о нихъ, чȣвствȣемъ въ собѣ солодкȣю жаждȣ, занестисѧ когда то въ тіи далекіи стороны, и все тое видѣти на свои очи. Но когда встрѣтимъ где нибȣдь ꙗкій памѧтникъ на родимôй земли нашôй, или съ холодною кровію поминаемъ его, или поглѧнȣкши на хвилю, дȣмаемъ собѣ: „отъ се ꙗкоесь назначительное рȣмовище! ни величественное, ни достопамѧтное, кто — знае, чіѧ то робота!” Такого вниманіѧ оудостоиваемъ дорогоцѣнны слѣды глȣбоко въ вѣкахъ почивающои бȣвальщины нашои. Когда ины народы дѣѧніѧми своими занимаютъ широкое, пространное поле, въ срôвнанію съ ними, на нѣсколькихъ картинахъ ꙗвитсѧ исторіѧ наша. Но и оу насъ когда то отправлѧлись великіи событіѧ, которы не имѣючи того счастѧ воплотитисѧ вѣковѣчными неизтребительными свѣдительствами. по великôй части лежатъ въ забвенію, Не имѣемъ ли побоєвища, на которыхъ еще незначительны возвышеніѧ, оудерживаютсѧ темными сдогадками орающого простолюдина нашого? Ꙗкоесь тамъ скȣдное, не ꙗсное преданіе, внȣшае емȣ, най такъ скажȣ безсовѣстное, трȣсливое почтеніе, що и годъ за годомъ задȣмавшись на нѣсколько хвиль, даже ôтшептавши молитовь, оминае ихъ плȣгомъ. Прецѣжъ то на сердци каждого любѧщого искренно отечество свое, жиющого неповрежденнымъ дȣхомъ предкôвъ своихъ, сдѣлае ꙗкоесь впечатлѣніе, когда оуслышитъ, що тȣтъ или тамъ въ залеðви прилѣтнôй жмени землѣ, скриваютсѧ кости, скрываесѧ пепелъ — Богъ знае, ꙗкимъ дѣломъ поклавшихсѧ. . . . А що же подȣмае ôнъ собѣ на видъ древнихъ церквей, древнихъ замкôвъ, древнихъ городôвъ, о которыхъ порозкиданы кржаютъ преданіѧ? На видъ ихъ, радбы ôнъ побесѣдити съ каменемъ, но камень бесѣдитъ лише съ сердцемъ, а незадовольненный оумъ, обвлекаесѧ глȣбокимъ смȣткомъ. А такъ, то сȣмȣемъ, то безȣчастно минаемъ собственны нашіи древности, та ни мы, ни потомки наши самыхъ себе познаютъ, ни чȣжинница, смотрѧчи на насъ скаже, що мы жиемъ — жиемъ совѣстнымъ дȣхомъ народнымъ. Дȣже скȣдно и не значительно, занималисѧ досслѣ поодиноки побратимцѣ наши относительно памѧтникôвъ отечества нашого. Подаючи тȣтъ нѣкоторы достопамѧтны извѣстіѧ о Зборовѣ читателѧмъ нашимъ, надѣемсѧ, що такимъ дѣломъ заохотимъ нѣкоторыхъ ревностныхъ нашихъ родимцѣвъ, къ точномȣ изслѣдованію кржащихъ преданій и достопатѧтностей на земли нашôй.

Розположеніе и назва города Зборова.

Зборôвъ власнôсть гр. Дѣдȣшицкихъ находитсѧ въ окрȣзѣ золочевскôмъ, при цѣсарскôмъ гостинци, ôтъ Львова до Тернополѧ, надъ рѣкою Стрыпою. Рѣка Стрыпа вытекае оу села Ивачѣвъ, дѣлитсѧ на два рȣчаѣ, которы послѣ стрѣчаютсѧ оу Зборова и пликаемы многочисленными источниками, дѣлаютсѧ рѣкою, онаже въ быстрôмъ ходѣ пôдъ Беремѧнами на супротивъ Чернелицѣ, въ окрȣзѣ чортковскôмъ съ Днѣстромъ сходитсѧ. Имѧ той рѣки по мнѣнію свѧщ. Додольского*) взѧлосѧ отъ славѧнского кожища прозванного Стры-

*) Смотри : Czasopismo Naukowe od Zakł. narod. im. Oss. R. VI. Zeszyt I. 18 33 st. 70.

ка, которомꙋ то божищꙋ, тая рѣка по. жертвованна была, въ почитанїю даже до XI вѣка. Но томꙋ мнѣнїю не достаютъ истинны доказательства. Такожде и второе мнѣнїе тогожъ самого, бꙋдьтобы оуже за времени древнихъ грекôвъ, народъ ôтъ сарматского племени Споры, Спорой, зокимый, сѣлъ надъ рѣкою междꙋ горбками и основалъ Спорôвъ пôзнѣйшїй Зборôвъ, лишенное всякихъ историческихъ доказательствъ.

Древнôсть заложенїя города Зборова не возможно про тое оуказати историческими свѣдительствами, которы съ письменъ слꙋжащихъ за основꙋ древнои исторїи, извлеченны быти могли бы. Но если нѣтъ слѣдительствъ письменныхъ, должно сдѣлати намъ вопросъ, имѣе ли городъ сей, якїи нибꙋдь поманники, изъ которыхъ хотя не со всѣмъ, то по крыхтѣ возможно бы сꙋдити о нѣмъ самымъ? Такихъ поманикôвъ, которы о древности его засвѣдительствовати моглибы, нѣтъ совершенно въ тôмъ городѣ. Домнѣванїя нашїи обмежаются про тое лише на извѣстїя о сꙋществꙋющихъ тамъ храмахъ — церквѣ и костелѣ. Що до рꙋского храма, то находящая ся тамъ церковь принадлежитъ новѣйшомꙋ времени. Церковь там на пôдмꙋрованю съ тисового камена созданна, воздвиженна печаливостью обивателей, побожныхъ людей, именно же священника Зарꙋцкого пароха и намѣстника зборôвского, 1798 года. в. п. Николай Скородинськїй гр. кад. епископъ Львôвскїй, галицкїй и каменецкїй освятилъ храмъ тотъ торжественно. Находится тамъ портретъ тогожъ Архипастыря съ написю на мрарморнôй таблици; „Clavem Xti tenete Pio VII. et feliciter regnante Francisco II. Illustr. ac Rnd. Dnus. Dnus. Nicolaus Skorodyński Leopol. Haliciens: ac Camenecensis r. g. Episcopus die 12 Aug. 1801 Anno hanc Ecclesiam solenni ritu consecravit.„ Въ прочôмъ обведенно оукрашенїя ради, сїю церьковь 1830 года штахетами. Що за церкви были тамъ передъ созданїемъ тои мꙋрованнои, и до якъ далекихъ времѣнъ относились, совершенно намъ неизвѣстно. Явно, когда о латинськихъ костелахъ имѣемъ нѣсколько старѣйшихъ извѣстей, сꙋществовали тамъ и церкви, которы на время созданны изъ дерева, Богъ знае якими, то подвигались, то розпадались, обстоятельствами. Дальшого времени, якъ сказано, сягаютъ извѣстїя о костелахъ латинскихъ.

Яковъ Собьскїй, отець Їоанна Собьского, короля польского закꙋпивши Золочѣвъ, Поморяны, Зборôвъ и проч. началъ въ тыхъ то помѣстностцяхъ, то розвалюющїи ся костели обновляти, то новы на основахъ воздвигати; поосаживалъ ихъ такожде священниками полꙋчившими опредѣленное оудержанїе Такимъ дѣломъ создался костелъ въ Зборовѣ 1627 года изъ дерева, а послѣдовавшїй ôтцю своемꙋ властитель Їоаннъ, оу сꙋда земского Львôвского, предложилъ къ оурядовомꙋ оузнанїю, фꙋндацїю и ерекцїю тогожъ костела Но костелъ тотъ оуже 1668 года при вторгненїю Козакôвъ и Татарôвъ, кꙋпно съ цѣлымъ мѣстомъ былъ истребленный. Не малое время минꙋло, за чимъ костелъ тотъ снова создано. г. 1708 воздвижено новый храмъ изъ сосновогo дерева, о чимъ посѣщенїе архїепископа метроп, Львôвского свѣдительствꙋе. Но и тотъ костелъ не оудержался долго, создано новый, теперѣшнїй изъ тисового камена. Созиданїе того началося дня 8 мая 1748 а окончилося 1755 года старанностью Александра Сѣ-

дл̑ѣскоговъ, Стольника инфлатскаго.

Однимъ изъ замѣчательныхъ достопамятностій того храма, есть образъ пресвятои и пречистои дѣвы Богородицѣ, славутнои между всемъ міромъ въ окрестности, по чудесамъ своимъ. Въ метрицѣ костела Зборовского, найдено рукопись, котораѧ больщіи извѣстіѧ подае о томъ образѣ. Имѣлъ его якъ тамъ говоритсѧ, Іоаннъ Собѣскій при собѣ, когда побѣдилъ Турковъ подъ Вѣднемъ. Послѣ, на знакъ благодарности и глубокого почтеніѧ, сложилъ онъ образъ тотъ чудотворный въ зборовскомъ костелѣ, где оу великого престола обрѣтаетсѧ. О томъ образѣ и историческомъ значенію его, кружитъ такожде и пѣснь народна между тамошными Полѧками.**) На томъ всемъ окончиваютсѧ извѣстіѧ, що до древнихъ зданій, по которыхъ тамъ даже днесь и слѣдъ не свѣтитсѧ. Кто знае, въ которомъ времени мѣсто Зборовъ заложенное могло быти. По извѣстію о первоначальномъ воздвиженію костела 1627 года, не возможно ничь еще о самомъ заложенію мѣста судити. Про тое всѣ изслѣдованіѧ о древности, лишаютсѧ всякои подержывающои основы. (п. с.)

**) Смотри „Czasopismo nauk. od Zakł. narod. im. Oss. R. VI Z. I str. 85.

ГОСПОДАРСТВО.

О навозѣ или гною.

(продолженіе)

Найважнѣйшимъ дѣломъ есть заложеніе гноевища въ оборахъ: должно усмотренное быти на тое мѣстце въ тѣнію, далеко отъ деревинъ или садовинъ и обиталища къ сѣверу а если возможно подъ дашкомъ положене Наоколо гноевища робится ровецъ, которымъ гноѣвка спливае до обложенного или выбрукованого въ серединѣ гноевища. Навозъ укладаеся на гноевищахъ вилами и якъ лише возможно рôвно, на пôлтора лôктя высокости; стѣны его должны быти просты якъ муръ, и заякъ возможно якъ найменьше на воздухъ, вѣтеръ, солнце и дощъ выставленны, а тое для того, дабы якъ наименьше на вазѣ, на силѣ и на множествѣ потеряти. Найлучше однако мѣстце есть глубока долина, о чимъ я самъ присвѣдчился. Въ такой долинѣ поклалъ я 20 сотнарôвъ свѣжого навоза, помѣшавши добре и прикрылъ землею, тôлькожъ навоза добре вымѣшаного уложилъ въ звычайну стирту навоза и по истеченію 3 мѣсяцей обѣ купы зважилъ. Тогда показалося, же навозъ съ долины ничъ на вазѣ не потерялъ, когда изъ стирты половина ваги исчезла Долина или дôлъ на гноѣвку долженъ въ серединѣ гноевища быти, дабы возы легко по навозъ заѣхати могли; навозовый дôлъ долженъ въ такомъ мѣстци быти, дабы худоба ходяща и переходяща якъ найбôльше топтала. Дабы тому оминути, щобы старый гнôй весь не былъ на долинѣ или на сподѣ, а свѣжій на верха и дабы якъ найнезначительнѣйше на воздухъ выставленъ былъ, должно особенно лѣтною порою половину или четверту часть обыкновенныхъ гноевищъ, навозомъ закладати такъ, дабы якъ найскорше перегнилъ, вывезенымъ и преораным былъ. Дабы хемѣческій розкладъ скотовыхъ ôтходôвъ получити, нужно прихода воздуха, т. е. нѣкои степени волгкости и тепла. Ежедневно видимъ, що навôзъ на купахъ угрѣваеся; розличны непріятны пары и гризящіи выдобываются и въ воздусѣ гинутъ. Тіи пары повстаютъ съ воды и съ соли амоняковои будущои найлучшою частію навозя и содержающои азотъ, которого два фунты даютъ шѣстдесять шѣсть фунтôвъ сбожа. Сôль амоняковая подôбна до соли кухенной, розплываеся дуже легко въ водѣ, и при 28 степенахъ тепла дѣлае улетъ въ парахъ гризющихъ. Дабы добрый навôзъ съ постельнои соломы имѣти, нужно щобы ôтходы звѣрячи розкладающіися дѣлали на тую якъ ферментъ; дабы смягчили сломали и скрушили солому и приспособили ею до лучшого смѣшанья съ землею и ôтходами, що тогда прухиницею (humus) называемъ. Мацированье навоза должно поволе ôтбыватися, безъ куреня ся и набраня бôльшого тепла якъ 12 до 15 степенай. Отда-

ленія ради сбыточнои ферментаціи, нужно тое имѣти на увазѣ, якъ мовилося, дабы ôтходы были що разъ съ короткою и добре струпишалую соломою смѣшанны, и дабы навôзъ правильно рôвно и сильно всюди утоптаный, всюди тую вогкôсть мѣрно заховалъ, котора улетови соли амоняковои и ферментаціи перепоняе, инакше богатобы съ своеи силы потерялъ. Гноевища должно що разъ правильно укладати ни дуже высоко ни дуже низко, и въ такій способъ дабы якъ найменьша поверхнôсть его на дѣйствіе доща и повѣтра выставлена была, понеже сôль амонякова потеряесь. Если есть сбытокъ мокринъ то солома не крущнѣе, если ихъ мало есть, а гноевище не есть правильное и добре утоптаное и порожныи мѣстца въ нимъ ся снаходятъ; тогда грѣеся надъ мѣру и выростаютъ на нѣмъ грибы которы ему дуже вредятъ

Гноевища дуже высокіи и за мало мокры суть также злы, понеже навôзъ мѣсто смягченія черезъ мацерованье, розгрѣваеся надъ мѣру, гине и потеряе свои властности найпотребнѣйшіи, черезъ улетъ въ воздухъ. Для того должно що разъ памятати, дабы навôзъ достаточно мокрымъ былъ, особенно въ лѣтнôй порѣ и тогда коли есть въ нѣмъ богато ôтходôвъ коньскыхъ и овчихъ. (к. с.)

ДОПИСЬ ИЗЪ СТРЫЙСКОГО.

Десятый то уже годъ, якъ возде ржанкôсть въ употребленію напоêвъ горячихъ, введеною остала — о память того событія, загадали жители села Братковець округа стрыйского тымъ образомъ учтити, що постановили собѣ ôтъ дня св. Архистратига Михайла т. г. въ дому шинковнôмъ съ всемъ горѣлки неупотребляти. Постановленіе тое учинили они на оденъ годъ, съ тымъ прибавленіемъ: скоро слѣдствія благополучны окажутся, тое продолжати и укрѣпити! Неимѣе на пѣли постановленіе тое употребленіе горячого напитка совершенно сносити, но тое одно только намѣряе, его въ домѣ шинковнôмъ со всемъ неупотребляти, ибо по собственнôмъ изреченію людей помянутыхъ: Въ домѣ шинковнôмъ обрѣтаеся искушеніе и искуситель — тамъ когдася напитокъ употребляе, неомильно найдеся случай, свôй часъ, свôй грôшъ, свою славу и здоровье — вещи такъ многоцѣнны потеряти! — Отже ходить ту о тое, дабы ся ôтъ слѣдствій злыхъ вредливыхъ предухранити. —

Судимо, що событіе такъ прехорошого постановленія заслугуе, дабы похвально о нѣмъ вспомнути, а сіе тымъ бôльше, що тіи жители выше помянутого села до повзятія своего намѣренія, безъ всякого чужого вліянія, токмо съ намысла и познанія собственного прійшли, а по второе що надѣемъ ся яко оно подражателей между Народомъ нашимъ собѣ приобрѣе.

Рѣчъ й наука коротка: „Если напитка употребляешъ, зважъ токмо на тое, дабысь его въ домѣ шинковнôмъ неупотреблялъ!"

О когдабы многіи съ меже народа нашого въ слѣдъ той вступили то оживилабы и тая сильна надѣя сердця нашіи: Що увидѣтибысьмы въ короткôмъ времени и Дôмъ нашъ народный созданый, съ которого бы на насъ и наслѣдниковъ нашихъ вознамѣренное благополучіе сплывало!...

Прибавленіе познѣйшое

Ôтъ давна листъ сей приготовленъ лежалъ, но пôдписаный злоприключеніемъ препятствованъ (на дни 9. Студня по нов. сти. его господарство якожъ еще и иныхъ 15 родинъ сельскихъ въ пепелъ обернулося) немоглъ его ажъ до теперь отослати, но теперь тымъ скорше съ учиненымъ донесеніемъ поспѣшае, ибо подраженіе предсказаное уже воистинно слѣдовало, недавно и сусѣдное село Стрѣлкôвъ идучи въ слѣдъ той, тымъ самимъ образомъ собѣ поступило, якъ жители Братковець — невнимаючи на тое, що арендаторъ мѣстцевый уступленіемъ съ Аренды загрозилъ!..

28 (16 Сѣчня 1857. В. Р.

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Амерпцѣ въ облас и Висконсинѣ вознамѣрываютъ тамошны поселенники чешскіи издавати временопись чешскую текущого года.

Сотрудникъ при редакціи Словенскихъ Новинъ Др. Х. Юречекъ вознамѣрывае издати сочиненіе: Исторія Законодательства славянского въ Чехахъ и Моравѣ.

Др. Іоаннъ Паляцкій пише въ чешскôмъ языцѣ всеобщую срôвнательную географію.

У Вильнѣ вышла у Оргельбранда первая связь словаря польского.

У ревнôстного издавателя польскихъ сочиненій Мерцбаха въ Познаню печатаеся сочиненіе Казиміра Шульца: Идолопоклоньство Славянъ.

ВСЯЧИНА.

Дворянинъ Жигемонта старого яко чарôвникъ.

Нѣкій дворянинъ короля Жигемонта Старого, розказуе одинъ современный памятникъ, знаючи у одного изъ товаришей своихъ тотъ недостатокъ розума, по которôмъ ôнъ великую жажду къ чародѣйствамъ объявлялъ и сильно думалъ собѣ о нихъ, смовился съ одною бабою, котора пôдъ краковскимъ замкомъ горчки продавала, дабы всѣ що до одного патикомъ побила, заплативши ѣй за всѣ въ попередъ. Тое должна она была тогда сдѣлати, когдабъ ôнъ у ôкна на замку стоячи, далъ знакъ Показалъ ѣй окно въ которôмъ ему стояти бачилось, а умовленный знакъ должна была быти хустка въ рукахъ розпущенная. Когда все тое такъ умовилъ, пошелъ на замокъ и началъ прохожатися по великôй сѣни; ожидаючи своего товарища, который спѣшно пришелъ потому. Поздоровивши одинъ другого вопросилъ пришовшій пôзнѣйше, чого ôнъ такъ ходитъ а не иде до комнаты. На тое ôтповѣлъ ему тотъ. „Нема пощо, ибо король Е. В. еще въ комнатѣ, а такъ спѣшно не выйде. Лучше ось пôйдемъ смотрѣти въ тое ôкно. И сей часъ ступалъ къ означенному ôкну. Товаришъ его увидѣвши, що такожде нищо ему дѣлати, ступалъ съ нимъ купно. Розговориваючи то о семъ то тôмъ, розбесѣдовались на конецъ о чародѣйствѣ. И началъ тогда тотъ, который такъ дуже въ науцѣ о чародѣйствѣ былъ влюбился, превозхваляти ею жалѣючи, що не родился въ тое время, когда то въ школахъ краковскихъ ею учено. Прислухиваючись всему тому произрекъ первый: „Що бы ты далъ, когдабъ тебе кто научилъ чародѣйства?" На тое вторый „Далъ бы сто золотыхъ, далъ бы я сто другихъ, ба и со всемъ далъ бы я всѣ гроши. Тогда говорилъ первый, що если естъ молчаливый и знае задержати повѣренну тайну, то бы сказалъ ему о такôмъ чарôвнику, который у самого Твардовского обучался и такъ много якъ тотъ знае. Сей часъ заклялся на чимъ свѣтъ, що глубоко въ молчанію затворитъ, и никогда не предасть того человѣка. „Ну то я есьмь майже ученикъ Твардовского, бôльше нижели думаешь возможу научити тебе. „Отъ небылиця, рече ему товаришъ; не такъ тобѣ велобысь, когдабъ ты розумѣлъ тую науку." „Ну, когда не вѣришъ, то повели, да сдѣлаю якое нибудь диво, а увидишъ, що истинну кажу. На доказъ, смотри но! видишъ тую невѣсту що продае горчки; за нѣсколькими примовами, всѣ горчки сама потолкати стане. Пошло о закладъ; оба ставили по 30 золотыхъ червоныхъ. Послѣ того началъ тотъ шептати всѣлякіи несрозумѣтельны дива, добылъ якійсь пергаминъ ужасно выписаный, и то въ него, то на землю смотритъ. „Смотри же теперь! озвался, и пустилъ съ руки хустку не прибачно дабы высѣла. Баба узрѣвши тотъ знакъ, сей часъ похватила за друкъ и начала немилосердно сама свои горчки на черепь бити. Сдумѣлся на такій видъ смотрящій товаришъ и не жалуючи пострадауыхъ закладомъ грошей, рѣшился быти его ученикомъ.

Тои же самои днины, розказалъ тотъ, що взялъ гроши все королеви. На другій день закелалъ король передъ тымъ, що пострадалъ закладъ не извѣстныйли где якій чарôвникъ, который бы точно зналъ свое дѣло? Сей часъ, забувши совершенно о присязѣ, розповѣлъ онъ королеви о своѣмъ товаришу дворянинѣ, о бабѣ и горчкахъ еи. Король велѣлъ его приклакати и рекъ стоячи у ôкна и смотрячи на бабу, котора снова якимсь свѣтомъ горчки роздобыла Слышишъ! когда ли видится тобѣ створити якоесь диво. Нужъ но! да побье баба горчки свои. Всемилостившій король! отповѣлъ дворянинъ; Нужно мнѣ былôбы сновь смовитися съ нею." Услышавши тое, застыдался милостникъ чародѣйства, догадался, що король о всемъ знае, и не помнулъ уже о чародѣйствѣ, обавляючись, дабы що гôршого не попало его.

Семнатцятилѣтный побѣдитель Татарôвъ пôдъ Калушомъ.

Свѣдомо естъ всѣмъ, якъ долго тревала малолѣтнôсть въ родинахъ старои Польщи. До трицяти лѣтъ долженъ былъ юноша пôдчинятися отеческôй воли. Но подумаемъ собѣ, що такая строгость вредила свободному розвою характера и ослабляла рѣшительнôсть духа. Должны мы тутъ пригадати собѣ старую но безсомнѣтельну истину: чимъ лучше кто то послѣдовати научился, тымъ лучше повелѣвати возможе. Такій то въ такъ долгôй строгости возпитанный юноша зналъ ôтдати честь старѣйшимъ, пôдчиняючись иногда

имъ даже до самои подверженности, но если по обстоятельствамъ прышлося ему самому быти старѣйшимъ, тогда нiякiй изъ теперѣшныхъ не срôвналбы ся съ нимъ, ни головою ни по рамени. Нагадуесь намъ тутъ одинъ любопытный примѣръ достойный загального вниманiя. Если нѣкiй тамъ Пико Мирандольо по такъ ранôй учености своêй загально прославился, то сêмнатцатилѣтный побѣдитель Татарôвъ а послѣ дипльомата пôсланный до Крыма и Нагая заслужилъ не меньшои чести. Былъ то нѣкiй Iоаннъ Збоньскiй во времени короля Жигемонта Старого. Въ правдѣ не пишутъ о нêмъ тогдашны лѣтописи, даже и поэты не поютъ ничь о нêмъ, но заховалося нѣсколько слôвъ въ письмахъ королевскои канциляріи пожертвованыхъ ему. Дня 18 Червня 1559 года выдалъ король Жигемонтъ Старый письмо, узнавающе его полнолѣтнымъ передъ доспѣнiемъ статутами пописанного вѣка. Сказано есть тамъ между прочимъ „Понеже упомянутый Iоаннъ съ Бонщина имѣючи лише лѣтъ семнатцять, побѣдилъ бодро и счастливо Татарôвъ пôдъ Калушомъ, а при тôмъ въ посланьствѣ нашôмъ до царей Нагайскихъ и Перекопскихъ, вѣрно исполнилъ обовязанность свою; про тое смотрячи на его дѣла, почитаемъ его доспѣвшимъ надъ лѣта и силою королевского достоинства, признаемъ его здѣбнымъ къ вcѣлякому урядованью и занятiю справами державными."

Весêльны обряды Индôвъ

Нѣтъ любопытнѣйшого и дивнѣйшого якъ суть торжества весêльны, индiйскихъ жителей въ Бомбаю. Отправляются они съ оглушительными криками и вереском по найбольшôй части въ мѣсяци Грудни и Сѣчни. По всѣхъ заселенныхъ улицяхъ тягнутся тогда то день и нôчъ толпы. На челѣ похода ступае музыка изъ самихъ котлôвъ и тарабанôвъ. За музыкою иде толпа Индiанъ съ косицями искусныхъ цвѣтôвъ. За ними ѣдутъ на двохъ торжественно пристроеныхъ коняхъ молоды, хлопакъ и дѣвчина шêсть или найбôльше семъ лѣтъ числящiи. Молодый обыкновенно во видѣ англiйского генерала сребренными шлифами у раменъ и китицею перевою на головѣ пристроиваеся. Такимъ самимъ образомъ прибираеся и молодая, иногда въ европейскiй, иногда въ народный стрôй. На задѣ идутъ за молодыми свояки и запрошенны. Походъ такiй занимае всю улицю а въ ночи при свѣтлѣ походней отправляеся. Цѣлое торжество нѣсколько дней отправляеся.

Ескимо романтичный поета.

Житель южнои Азiи смотрячи на природу богатую чудесами, выражае свои любовны чувства въ образахъ срôвнанiяхъ и переносно, изображаючи часто пересаженый и натягненый вкусъ. Совершенно несходный съ изображенiями подобного рода есть воспитанникъ ледоватого сѣвера, простодушный Ескимо. Убожество и одногласность окружающои его природы, подае маячни его дуже скудны образы, изъ которыхъ ôнъ часто дуже счастливо якiи нибудь въ пѣнiяхъ своихъ навести знае, вознаграждаючи истиною и простотою все тое, що имъ недостае на буйности фантазiи. Такъ на примѣръ пое ôнъ: Красна есь о люба, будьто верба, когда въ новое прiодегаеся листье. Тѣло твое есть бѣлое будьтобы снѣгъ на горѣ Наярсуакъ. Пальцѣ твои бѣлы мовь зубы ланѣ. Усмѣхъ твôй очаровательный мовь лêдъ таяющiй." —

Пастырь ôвчаръ оставившiй 1000 зл. ср. именiя.

Якъ то человѣкъ щадѣющiй и старанный, хотя при скудныхъ средствахъ нѣсколько гроша присбирати знае; обучае насъ одное извѣстiе изъ Семоградa. Въ Краснѣ, селѣ семоградскои землѣ, померъ недавно тому нѣкiй пастырь ôвчаръ. Лежачи на смертнôй постели, зажелалъ приклкати старшину мѣстцевую, и въ еи руки сложилъ 1000 злср. присбиранныхъ самыми крайцарами. Изъ тыхъ грошей опредѣлилъ ôнъ 500 злрс. на учрежденiе школы, злишную же суму записалъ костелу реформаторскому.

Средство на черваки въ житѣ

Послѣ многочисленныхъ употребленiй, оказываесь, що полунъ есть найлучшимъ средствомъ на черваки въ житѣ. Нужно лишъ покласти нѣсколько галузокъ верхъ жита, а ужежъ що до ноги всѣ подохнутъ.

Тупомъ Института Ставропигiанского Редакторъ Николай Савчиньскiй